

житься терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было развернулось прежде» (Г., VI, 233). Затем следует новый взлет и новое поражение: «Статский советник, по русскому обычаю, с горя запил, но коллежский (Чичиков — *И. Е.*) устоял» (Г., VI, 237). Устоял он и после провала тщательно задуманной и, казалось бы, блестяще проведенной аферы с мертвыми душами.

Только очутившись в тюрьме, лишенный всяких средств к деятельности, дрогнул Чичиков и встал в благочестие. «Сам не умею и не чувствую, но все силы употребляю, чтобы другим дать почувствовать; сам дурной и ничего не умею, но все силы употребляю, чтоб других настроить; сам дурной христианин, но все силы [употребляю], чтоб не подать соблазна, — кажется гоголевский герой. — Буду трудиться, буду работать в поте лица в деревне, и займусь честно, так, чтобы иметь доброе влияние и на других» (Г., VII, 115). У Алемана мы также видим, что «к концу романа Гусман — плут исправляется и становится нравственным автором мемуаров. Должны ли мы ему верить? — спрашивает критик. — Мы помним, как незадолго до ареста Гусман умудрился и духовника, и всю Севилью заставить поверить в его святость»¹⁴. И герой «Мертвых душ» убедил в своем раскаянии Муразова, которого Гоголь представляет как олицетворенную совесть и который выступает здесь в роли духовника Чичикова. Но «должны ли мы ему верить?» — повторяем мы вопрос критика. Ведь вслед за покаянием, после встречи с пройдохой Самосвитовым, Чичиков «возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которой он волочился. Деревня и тишина стали казаться бледней, город и шум — опять ярче, ясней» (Г., VII, 115). Все возвращается на круги своя, ибо, как верно заметил герой другого плутовского романа, «никогда не исправит своей участи тот, кто меняет место и не меняет своего образа жизни и своих привычек»¹⁵.

Таким образом, жизнеописание главного героя «Мертвых душ» оказывается типологически вполне сопоставимым с жизнеописанием пикаро. Однако делать на этом основании вывод о подобии гоголевского произведения плутовскому роману нельзя: пикареская традиция относится не к поэме Гоголя в целом, а только к «плутовской повести „Похождения Чичикова“»¹⁶. Повесть же эта в «Мертвых душах» играет совершенно не ту роль, которую исполняет в пикареске жизнеописание главного героя.

Плутовской роман, как и поэма Гоголя, не исчерпывается изображением истории искателя удачи: для него «в целом характерен обобщающий метод, когда из наблюдений над одной жизнью, над одной натурой делаются выводы о „человеческой природе“ вообще»¹⁷. Поэтому «ничтожная история плутней становится как бы иносказанием о стране, ее портретом»¹⁸. Но широкая картина общественных нравов в плутовском жанре раскрывается лишь постольку, поскольку она связана с судьбой и характером героя: «другие персонажи романа, с которыми сталкивается пикаро, а также материальный внешний мир сами по себе мало интересуют автора»¹⁹. И если при этом плутовской роман все-таки представляет собой портрет не только пикаро, но и всей страны, то это происходит потому, что они оказываются равны друг другу: «Пикаро, — как точно определяет критик, — Испания в миниатюре»²⁰.

Иное дело «Мертвые души». Жизнеописание главного героя, подчиняющее себе весь ход повествования, занимает собой только часть XI гла-

¹⁴ Пинский Л. Указ. соч., с. 35.

¹⁵ Кеведа Ф. История жизни пройдохы, по имени дон Паблос, пример бродяг и зеркало мошенников. Киев, Держитвидав, 1956, с. 159.

¹⁶ Кожинов В. В. Происхождение романа. М., «Советский писатель», 1963, с. 219.

¹⁷ Пинский Л. Указ. соч., с. 44.

¹⁸ Там же, с. 24.

¹⁹ Там же, с. 44.

²⁰ Там же, с. 23.